

М. А. Михайлов

**Выделимость морфем и
направление производности**

Studia Rossica Posnaniensia 10, 135-139

1978

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

М. А. МИХАЙЛОВ

Горький

ВЫДЕЛИМОСТЬ МОРФЕМ И НАПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДНОСТИ

В некоторых работах последних лет по словообразованию и морфемной структуре слова отчетливо проявилась тенденция подчинить решение вопроса о статусе вычленяемых линейных сегментов в составе основы слова решению вопроса о направлении производности.

Как известно, морфемы выделяются в составе языковых форм благодаря структурно-семантическим связям между этими формами. Например, морфемы словообразующие могут выделяться и благодаря связи между словами с тождественными словообразующими морфемами, и благодаря связи между словами с тождественными основами. Так, если обозначить основы большими буквами, а деривационные морфемы — малыми, выделяемость морфемы *a* в *Aa* может опираться как на связь типа *Aa—Ba—Va ...*, так и на связи типа *Aa—A* или *Aa—Ab*. В дальнейшем нас будут интересовать только связи типа *Aa—A* и *Aa—Ab*, потому что именно для установления морфемного статуса сегмента *a*, выделяющегося благодаря таким структурно-семантическим связям, вводится ограничение: *Aa* и *A*, с одной стороны, а также *Aa* и *Ab*, с другой, должны быть объединены отношением производности, а направление производности должно соответствовать схеме *A→Aa* и *Ab→Aa*, но не *Aa→A* или *Aa→Ab*. В случае направления производности *Aa→A* или *Aa→Ab* *a* (по крайней мере, в этих структурно-семантических связях) не обладает статусом морфемы¹.

¹ Ср., например, мнение В. В. Лопатина: „Только установив мотивационные отношения (т. е., в частности, и направление производности — М. М.) в паре слов *банальный* — *банальщина* или *скрипка* — *скрипач* (с одинаковым количеством вычленяемых в основах отрезков) и поставив эти слова в соответствующий словообразовательный ряд, мы можем установить суффиксальный (и, следовательно, морфемный) статус отрезков *-щина* и *-ач* в *банальщина* и *скрипач* и несуффиксальный, неморфемный — отрезков *-н-* и *-к/-ок* в *банальный*, *скрипка* (оба слова — немотивированные)» — В. В. Лопатин, *К соотношению морфемного и слово-*

В таком подходе к оценке морфемного статуса вычленяемых сегментов есть несколько уязвимых мест, на одно из которых и хотелось бы обратить внимание в данной статье.

Все исследователи едины в том, что направление производности в деривационных парах имеет непосредственное отношение к влиянию этих пар на деривационные процессы, идущие в языке. Если использовать понятие „словообразовательная модель” в том значении, в каком оно употребляется, в частности, Н. Д. Арутюновой в *Очерках по словообразованию в современном испанском языке* (Москва 1961), можно сказать, что направление производности определяет порядок следования членов модели в тех случаях, когда модель эта используется при образовании новых лексических единиц. Иными словами модель $X \rightarrow Y$ характеризуется направлением производности $X \rightarrow Y$, если новообразования, возникающие под ее влиянием, создаются на базе исходных слов типа X и стоятся по образцу слов типа Y .

Казалось бы, эта общепризнанная (хотя и часто лишь подразумеваемая, но не прямо формулируемая) связь между направлением производности в деривационных парах, составляющих словообразовательную модель, с типами исходных слов и новообразований в деривационных процессах должна была бы склонить исследователей к тому, чтобы устанавливать направление производности именно путем наблюдений за реальными словообразовательными процессами (или, по крайней мере, постоянно проверять реальными словообразовательными процессами направление производности, установленное другими способами). Однако слишком категорическое противопоставление синхронии и диахронии привело к тому, что установление направления производности часто опиралось почти исключительно на семантические и формальные признаки, которые можно было усмотреть в отношениях между существующими словами ².

образовательного анализа. В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, т. I, Самарканд 1972, стр. 212. Сходные мысли можно найти во многих работах, ср.: Н. С. Авилова, С. Н. Дмитриенко, В. В. Лопатин, В. А. Плотникова, И. С. Улуханов, *Спорные вопросы описания грамматического строя русского языка*, „Вопросы языкознания” 1973, № 4, стр. 41; А. Н. Тихонов, *Заключительное слово в дискуссии*. В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования, т. II, Самарканд 1972, стр. 184 и след.; тот же, *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва 1970, стр. 38; Р. И. Лихтман, *К вопросу об основных понятиях словообразования*, „Известия АН СССР” 1973 (Серия литературы и языка), т. XXXII, вып. 2, стр. 134 и др.

² Ср. поиск наиболее точного определения признаков производного („мотивированного”) слова (а эти признаки всегда даны на фоне слова исходного, „мотивирующего”, т. е. предполагают направление производности), например, в следующих работах, опирающихся на материал русского литературного языка: Н. А. Крылов, *Типы основ в современном русском языке*, „Филологические науки” 1963, № 2; В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, *Словообразование*. В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, Москва 1966, стр. 57 и след.; М. В. Панов, *Русский язык*. В кн.: Языки народов СССР, т. I, Индоевропейские языки, Москва 1966, стр. 71; Е. А. Земская, *Понятия*

Но направление производности в модели $X \rightarrow Y$ не означает, что новые слова, возникающие под воздействием этой модели, строятся исключительно по образцу слов типа Y . Давно замечено, что отношения между членами деривационной модели обратимы³. Можно предположить, что не только в пределах каждого способа словообразования реальные деривационные процессы выступают как процессы парные, характеризующиеся противоположной направленностью (например, аффиксации соответствует деаффиксация, субстантивации прилагательных — десубстантивация субстантиватов и т.д.), но и каждая конкретная модель в принципе обладает такими же возможностями.

Часто утверждается, что обратная деривация (речь обычно идет в первую очередь о десуффиксации) имеет только диахроническое значение⁴. Думается, что авторы подобных утверждений не имеют в виду, что обратная деривация представляет собой процесс, а синхронное словообразование призвано изучать не процессы, а отношения между существующими словами⁵. Такие утверждения следует понимать лишь в том смысле, что обратная деривация (и не только десуффиксация, а вообще любой процесс, в котором проявился противоположный порядок следования членов словообразовательной модели по сравнению с порядком обычным) не изменяет оценки порядка следования

производности, оформленности и членимости основ. В сб. Развитие словообразования современного русского языка, Москва 1966, стр. 4 и след.; Е. А. Земская, *Современный русский язык. Словообразование*, Москва 1973, стр. 63 и след.; В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, *Словообразование*. В кн.: Грамматика современного русского литературного языка, Москва 1970, стр. 37 и след.; И. С. Улуханов, *Словообразовательная мотивация и ее виды*, „Известия АН СССР” 1971 (Серия литературы и языка), т. XXX, вып. I, стр. 38; И. С. Улуханов, *Компоненты значения членимых слов*, „Вопросы языкознания” 1974, № 2, стр. 71; Р. И. Лихтман, указ. раб., стр. 132 — и др. Совершенствование определения производности сводится к постепенному отказу от критериев формальных и к приданию все большего значения критериям семантическим. Показательно, что в этих определениях нет стремления отметить методологически очень важную связь направления производности с направлением деривационных процессов.

³ См., например, многочисленные замечания историка французского языка: К. Нугор, *Grammaire historique de la langue française*, 3, Copenhagen 1906, особенно в разделе *Dérivation régressive*, стр. 241 и след. Из новой литературы очень четко обратимость отношений между членами модели показана Н. Д. Арутюновой (ср.: „Изучая протекание словообразовательного процесса во времени, необходимо констатировать, что существующие в языке модели могут служить базой для новообразования в двух направлениях: от первого члена модели ко второму и, наоборот, от второго члена к первому. Процесс деривации, взятый в его временной протяженности, оказывается обратимым” — цит. раб., стр. 118) и особенно И. Немецем (I. Němec, *Výrobové postupy české slovní zásoby*, Praha 1968, стр. 91 и след.).

⁴ Н. Marchand, *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*, Wiesbaden 1962, стр. 3; В. Лопатин, И. Улуханов, *Г. Винокур и современная словообразовательная наука*, „Русский язык в национальной школе” 1967, № 6, стр. 20.

⁵ Впрочем, не все исследователи считают, что словообразовательные процессы выходят за рамки синхронного изучения словообразования, см. М. Dokulil, *Zur Frage der Stelle der Wortbildung im Sprachsystem*, „Slovo a slovesnost” 1968, XXIX, стр. 10.

членов соответствующей модели⁶. Оценка же деривационной модели говорящим коллективом и проявляется в том, что модель может действовать на словообразовательные процессы двояко, хотя, как правило, члены ее неравноправны, что и приводит к преимущественному действию модели в одном направлении.

Как известно, это замечание справедливо даже по отношению к моделям, отношение между членами которых характеризуется так называемой „классической” производностью, т.е. когда семантика вполне определенного члена модели естественно и без натяжек объясняется через семантику другого ее члена и первый член сложнее другого формально. Однако реальные деривационные процессы опираются не только на такие модели. Поэтому в работах по словообразованию наблюдается все более широкий охват таких межсловных парных отношений (и действующих на реальные словообразовательные процессы так же, как модели „классические” в том смысле, что первые так же, как и последние, порождают новые лексические единицы), в которых нет явной семантической производности определенного члена от другого, а с формальной точки зрения оба члена одинаково сложны. Думается, что споры о направлении производности во многих таких моделях отражают равноправные (или близкие к равноправным) отношения между их членами. В подобных случаях только наблюдение за реальными деривационными процессами может показать, нарушено ли это кажущееся равновесие и в какой степени оно нарушено.

Важно обратить внимание на то, что даже при общепризнанном направлении производности, которое установлено с помощью принятой для этой цели методики, реальные словообразовательные процессы не всегда подтверждают адекватность решения. Так, в модели *кум — кума, супруг — супруга*, представленной в различных славянских языках, направление производности устанавливается от имени мужского лица к имени лица женского. Основанием такого решения является то обстоятельство, что в отношениях между личными именами мужского и женского рода в славянских языках преобладают такие, в которых имя женского лица осложнено лишней деривационной морфемой. Между тем, реальные деривационные процессы, иллюстрирующие действие рассматриваемой модели, сводятся почти исключительно к образованию имен мужского рода на базе женского⁷. А ведь именно в процессах проявляется существенная для адекватного лингвистического анализа оценка порядка следования членов модели говорящим коллективом.

⁶ Ср. именно такое понимание рассматриваемого тезиса: А. И. Смирницкий, *Лексикология английского языка*, Москва 1956, стр. 67; Н. Д. Арутюнова, указ. соч., стр. 117 и след.; М. Д. Степанова, Н. И. Чернышева, *Лексикология современного немецкого языка*, (Москва) 1962, стр. 154; W. Fleischer, *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*, Leipzig 1969, стр. 69 и след.

⁷ Имеем в виду довольно частые окказиональные процессы, идущие в разных славянских языках, типа *обезьяна* → *обезьян*, ср. в стихах В. Солоухина: *А вот в отдельной клетке хмурый, огромный обезьян. Самиц.* („Аргумент”, Москва 1972, стр. 39).

Из всего сказанного вытекает, во-первых, что даже прочно установившиеся в лингвистике мнения о направлении производности в той или иной модели должны контролироваться путем наблюдений за реальными процессами. Во-вторых — и это сейчас для нас наиболее важно — направление производности в модели $X \rightarrow Y$ означает лишь то, что новые слова, возникающие под влиянием этой модели, строятся преимущественно по образцу слов типа Y , причем эта преимущественность в различных моделях может быть разной степени. Поэтому направлению производности никогда не следует придавать абсолютного значения. Тезис же, что лишний сегмент, выделяющийся в исходном („мотивирующем“) слове и отсутствующий в производном („мотивированном“), не является морфемой, опирается именно на абсолютизацию направления производности.

В модели, представленной парой *головоломный* — *головоломка*, суффиксом является не только *-к(а)* во втором слове, но и *-н(ый)* в первом, причем в этой структурно-семантической связи. Суффиксальный характер *-к(а)* проявляется в процессах типа *потогонный* → *потогонка*, а суффиксальный характер *-н(ый)* — в процессах противоположных, типа *нервотрепка* → *нервотренный*⁸. Из того, что рассматриваемая модель неизмеримо чаще порождает слова типа *головоломка*, не вытекает, что она не может порождать слова типа *головоломный*. Следовательно, и элемент *-к(а)* и элемент *-н(ый)* способны выполнять словообразующую функцию в процессах, происходящих под влиянием этой модели. Поэтому можно согласиться с утверждением, что в оценке говорящим коллективом элементом, заслуживающим названия деривационного суффикса, чаще выступает в этой модели *-к(а)*, чем *-н(ый)*, но нельзя согласиться с утверждением, что *-к(а)* суффикс, а *-н(ый)* — не суффикс. И если вслед за *Грамматикой современного русского литературного языка* использовать термин „финаль“, ясно, что положение о том, что в модели *головоломный* — *головоломка* *-к-* является суффиксом, а *-н-* — финалью, неравноценно положению, что в модели этой *-к-* чаще является суффиксом, чем финалью, а *-н-* — чаще финалью, чем суффиксом. Понятно, что подобное изменение формулировки имеет еще большую значимость по отношению к моделям, члены которых не характеризуются таким неравноправием, как в модели, только что рассмотренной.

В заключение подчеркнем еще раз, что вопрос о степени определенности направления производности не может решаться в отрыве от реальных деривационных процессов, потому что только в них выступает оценка этой особенности модели носителями языка.

⁸ *Картохин* знал, что на рубли не „купишь“ молодых, увлекающихся людей. Он действовал хитро: он предлагал им очень трудные конструкторские задачи. И требовал, чтобы задания выполнялись в кратчайшие сроки... Я не раз говорила..., что картохинская потогонка до добра не доведет... (из газет); А ведь это было на самой нервотрешной стадии развода, стадии идиотской, пустой казуистики... (В. Бурджейли, *Человек, который знал Кеннеди*, Москва 1972, стр. 84.).